

Доктор Дэвид А. де Сильва , Послание к Евреям, сессия 2, Послание к Евреям 1:1–2:4: Вниманию слову, сказанному Сыном, — высший приоритет

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

В первой части Послания к Евреям, глава 1:1 по 2, 4, мы наблюдаем очень тщательно выстроенный аргументативный поток. Поскольку в этих 18 стихах так много материала, легко упустить из виду базовый силлогизм, который лежит в основе того, чего автор пытается достичь в этом вступлении, риторическую цель, которой служат все отдельные детали. В главах 1, 1 по 4 автор дает риторически впечатляющее вступительное заявление, которым он обязательно привлечет внимание своих слушателей, что является одной из основных целей начала речи.

Те, кто слушает это вступление, полное риторических изысков и тщательной структурированности, могут быть уверены, что они будут слушать талантливого оратора в течение этой часовой проповеди. В 5-14 главе 1, стихах 5-14, автор затем представляет поток цитат из Ветхого Завета. Это также способствует получению внимательного слушания, поскольку он сообщает своим слушателям, что они будут слушать авторитетного оратора, эксперта в священных оракулах Бога, и, следовательно, того, кто, вероятно, откроет им оракулы Бога надежно.

В главе 2, стихи 1-4, автор явно делает вывод из этого вступительного аргумента, который затем звучит как лейтмотив всей проповеди, поскольку он призывает слушателей продолжать обращать внимание на услышанное ими послание Христа и не отходить от него. В этом вступлении мы находим этот существенный силлогизм. Бог говорил с нами через сына.

Этот сын намного больше ангелов. Поэтому для нас важнее прислушаться к посланию, переданному через сына, чем для предыдущих поколений прислушаться к посланию, переданному Богом через ангелов. К первому столетию считалось, что ангелы сыграли важную роль в передаче Моисею Божьего закона, Торы.

Автор утверждает, что послание, произнесенное в Сыне, требует большего внимания, большего послушания и более усердной приверженности, чем даже Тора, закон Моисея, требуемый от тех, кому оно было сказано. Мы будем иметь в виду этот более масштабный аргумент, который автор выстраивает на протяжении 1:1 по 2:4, когда мы перейдем к более подробному анализу

отрывка стих за стихом. В начальной антитезе в главе 1, стихах 1 и 2, мы слышим это звучное вступительное утверждение.

Во многих частях и многими способами Бог давно говорил с нашими предками в пророках, но в конце этих дней он говорил с нами в сыне. В более ранней презентации мы исследовали антитезу, которая создается здесь. В первом стихе есть три элемента, которые параллельны во втором стихе, и все они стоят антитетически по отношению друг к другу.

Бог говорил давно, а не сейчас, в конце этого периода времени. Бог говорил с предками. Бог сейчас говорит с нами.

Бог говорил через почтенных, но низших посланников, пророков. Бог совсем недавно говорил через своего сына. В каждой из этих противостоящих пар есть риторическая сила, как автор продолжит описывать.

Прежде всего, Сын обладает большим достоинством, чем пророки. То, что сообщается через сына, поэтому имеет большую значимость и требует большего внимания и послушания. То, что было сказано давно, имеет, конечно, значение как божественные оракулы, но то, что говорится в настоящее время, имеет еще большее значение, потому что это было сказано именно этой аудитории, повышая их ответственность хорошо реагировать на то, что сказал Бог.

Один элемент в первом предложении не имеет аналога во втором антитетическом предложении, а именно тот факт, что то, что было сказано формально, было сказано во многих частях и многими способами. Однако это дает ключ к герменевтике автора, поскольку автор прочесывает Ветхий Завет в поисках многих частей и божественных средств божественного откровения, разбросанных по всей священной истории Израиля, и объединяет их калейдоскопическим образом в христоцентричном прочтении этих оракулов. Оставшаяся часть главы 1, стихи с 5 по 13, представляет собой грандиозный вступительный расцвет в этом отношении, вытаскивая некоторые из этих многих частей откровения из 2 Царств, Псалмов и Второзакония калейдоскопическим образом, чтобы показать, как эти многие части объединяются в одно сфокусированное божественное слово, произнесенное и исполненное во Христе.

В первом абзаце Послания к Евреям говорится о некоторых очень интересных вещах о Сыне и дается очень раннее христианское свидетельство о размышлениях об Иисусе до его воплощения. Однако в качестве фона для этого абзаца нам нужно рассмотреть еврейские традиции мудрости от Притчей до межзаветного периода как исходный материал, который автор Послания к Евреям использует, когда он думает о карьере предвоплощенного Сына. Это

начинается с олицетворения мудрости как Леди Мудрости в Притчах, глава 8. Леди Мудрость произносит там речь, и она говорит: Когда Бог создавал небеса, я была там.

Когда Он проводил круг по лицу бездны, когда Он утвердил небеса вверху, когда Он утвердил источники бездны, когда Он определил морю его пределы, чтобы воды не преступали Его повеления, когда Он наметил основания земли, тогда я был подле Него, как мастер, и я был ежедневно Его радостью, радуясь перед Ним всегда, радуясь Его обитаемому миру и радуясь человеческому роду. В этой довольно древней поэме о мудрости мы находим идею о том, что у Бога был партнер в творении, что была фигура рядом с Богом, когда Бог сотворил небеса и землю. Идея мудрости как партнера Бога в творении сохраняется, и затем Притчи подхватывают еврейскую традицию мудрости и увековечивают ее.

Мы видим это развитие, например, в книге, известной как «Премудрость Соломона». Это был еврейский текст, составленный на греческом языке где-то в средиземноморской диаспоре в первые десятилетия первого века нашей эры. Автор этого текста также утверждает, что мудрость сыграла свою роль в сотворении Богом космоса.

Мудрость была создательницей всех вещей, и она присутствовала с Богом, когда Бог создавал мир. Мудрости приписывают роль в продолжающемся управлении и поддержании созданного порядка. Она обновляет все вещи, оставаясь в себе, говорит автор, и она хорошо упорядочивает все вещи.

Также высказываются утверждения о природе и характере мудрости, выходящие за рамки всего, что мы находим в Притчах. Например, снова в Премудрости Соломона 7 мы читаем, что мудрость — это, цитата, отражение вечного света и образ благодати Божьей. Таким образом, мудрость представляется как отражение собственного характера Бога, а также как посредническая фигура между Богом и творением, не только в самом акте творения, но и в постоянном поддержании созданного Богом порядка, так что сегодня, завтра и последующий день в какой-то мере зависят от постоянной работы мудрости вместе с Богом.

Также, в созерцании мудрости Божьих дел, человек имел доступ к отражению благодати и совершенства Всемогущего. Такие традиции стали сырым материалом для христологии в ранней церкви. Мудрость, посредник Бога, получила определенное лицо в лице Иисуса.

Таким образом, подробности предвплоченной жизни Сына как агента творения, как поддерживающей силы и как отражения собственного образа Бога были заполнены посредством еврейского культурного знания о мудрости.

Автор следует за своими вступительными заявлениями о том, что Бог говорит определенное слово в Сыне, панегириком Сыну, то есть несколькими строками, восхваляющими, прославляющими и расширяющими честь Сына. С одной стороны, это служит прямой цели преувеличения важности слова, которое было сказано в Сыне, поскольку честь посланника влияет на честь, причитающуюся посланию.

Во-вторых, однако, это также дает нам некоторые важные окна в то, как первые христиане думали о Христе. Итак, мы читаем, Бог говорил в Сыне, которого он поставил наследником всего, через которого он также создал века, который является точным представлением его славы и печатью его существа, неся все вещи словом силы его. Совершив очищение грехов, он воссел одесную величия на возвышенных местах.

Первое утверждение, которое здесь делается от имени Сына, заключается в том, что Бог назначил его наследником всего. В этом заявлении автор, по-видимому, опирается на язык Псалма 2, который был одним из так называемых царских псалмов наряду, например, с Псалмами 45, 46 и 110. Эти царские псалмы были составлены для чествования царя Давида или любого из преемников Давида как царей Давида.

В течение долгих столетий после того, как независимость Иудеи подошла к концу в 586 г. до н. э. с вавилонским завоеванием Иерусалима, эти псалмы стали читаться с целью будущего восстановления монархии. Они стали мессианскими псалмами. Поскольку евреи продолжали читать эти псалмы, они продолжали поддерживать надежду, что Бог однажды восстановит царство Израиля.

Эти мессианские псалмы очень важны для раннего христианского размышления об Иисусе, и мы увидим на протяжении всего Послания к Евреям, как этот автор, в частности, продолжает их добывать, развивая свое понимание и представляя свое понимание Иисуса. В Псалме 2, стихе 8, Бог представлен как говорящий, и он говорит Давидову монарху: проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе. Говоря об Иисусе как о наследнике всего, автор идентифицирует Иисуса, или сына, как того, кому было дано это обещание, это мессианское обещание, и таким образом разделяет ожидание не только того, что царство Израиля будет дано сыну, но и вся власть над землей будет дана сыну.

Почему он должен был так сосредоточиться на статусе сына? На протяжении всей проповеди мы увидим, что автор строится на том, что он утверждает в этой вступительной главе как. Во-первых, он обещает слушателям или напоминает слушателям, что они сами будут иметь долю в чести сына. Куда бы ни пошел

Иисус, они последуют за ним. Честь, которой был наделен сын, распространится также на многих сыновей и дочерей.

Таким образом, сосредоточение на статусе сына *par excellence* также, отчасти, является средством от позора, который обрушился на многих сыновей и дочерей, уверяя их, что позор их соседа не является последним словом об их достоинстве, но, скорее, последнее слово об их достоинстве будет у Бога, когда они войдут в то же наследие, в которое вошел Иисус. Автор также будет использовать статус сына в своих предостережениях общине против нарушения веры в Иисуса. То есть, чем выше статус того, кого они оскорбляют, отворачиваясь от христианского собрания ради дружбы с миром, тем больше опасность последствий, которые постигнут их за оскорбление такого человека.

Таким образом, по мере того, как автор продолжает расширять возвышенный статус сына, он продолжает подчеркивать важность адекватного ответа на этого Иисуса в этот момент. Второе утверждение, которое автор делает о сыне, заключается в том, что через него Бог также создал или сотворил века. Это одно из мест, где традиции мудрости питают раннюю христианскую христологию.

То, что раньше говорилось о мудрости как о партнере или агенте Бога в творении, теперь говорится о Сыне. Именно через сына Бог сотворил мир. Именно сын был агентом в творении.

Можно сравнить это с тем, что можно найти в Послании к Колоссянам в первой главе, где Павел говорит, что Иисус есть первенец всякого творения, потому что Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано. Можно также сравнить то, что мы находим в Послании к Евреям, с начальными стихами четвертого Евангелия, где мы читаем, что начало было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Он был в начале у Бога.

Все вещи начали быть через него, и без него ничто не начало быть. Таким образом, автор Послания к евреям разделяет этот более широкий ранний христианский разговор о сыне как агенте Бога в творении, где мы видим широко распространенную тенденцию затем использовать традиции еврейской мудрости для продвижения христологии. В этом утверждении о сыне подразумевается общее знание о том, что должно быть создано.

Те, кто были созданы, кто получили дар бытия как такового, всем обязаны тому, кто дал им этот дар. Это основной этический принцип, который не только иудей, но и язычник с готовностью признал бы. Сам Аристотель сказал бы в своей Никомаховой этике, что из-за роли Бога в создании людей мы обязаны им всем поклонением, которое мы только можем дать.

Третье утверждение автора о Сыне заключается в том, что он есть сияние или яркость славы Божьей и точный отпечаток бытия Божьего. Здесь мы также находим традиции мудрости, особенно те, о которых мы читаем в Премудрости Соломона, питающие раннюю христианскую христологию. Автор Премудрости Соломона говорил о мудрости как об образе благодати Божьей, как о точном представлении характера Бога.

Теперь это применяется к сыну. Именно в Иисусе мы видим наиболее совершенно образ или отпечатки Божьей печати, так сказать. Это также широко резонирует с ранним христианским дискурсом.

Например, снова в Евангелии от Иоанна, глава 14, стих 9, Иисус говорит: Если вы видели Меня, вы видели Отца. Или, как Павел писал в Послании к Колоссянам 1.15, Христос есть образ невидимого Бога. И снова наш автор разделяет широкую христианскую тенденцию обращаться к традициям мудрости, чтобы говорить о значимости этого Иисуса как, по сути, видимого представления Всемогущего.

Другое утверждение, сделанное от имени Христа, заключается в том, что он несет все вещи своим могущественным словом. Под словом «нести все вещи» автор здесь подразумевает поддержание всех вещей, продолжение переноса всех вещей своим могущественным словом. Мы видели это отражение в «Мудрости Соломона» в утверждении, сделанном от имени Леди Мудрости, которая обновляет все вещи и поддерживает все вещи своим словом.

Мы также видим похожее утверждение в Послании к Колоссянам 1:17, что все вещи утверждены в Нем. Все вещи поддерживаются во Христе. Таким образом, снова, традиции мудрости информируют ранние христианские убеждения о том, что Сын делал до своего воплощения в качестве Иисуса.

Здесь автор переходит к главному достижению сына посредством его воплощения. Он совершил очищение грехов. Это, кстати, еще одна черта панегирика Иисусу в Послании к Колоссянам 1, где в стихе 14 мы читаем: «...в Котором имеем искупление, прощение грехов». Вступлениям речей уместно представлять основные темы, которые будут рассмотрены в основной части речи.

Именно это и делает автор, поскольку способ и последствия жертвы Иисуса, его очищения от грехов, будут главной темой центральных глав этой проповеди, а именно глав с 7 по 10. Автор также выдвигает здесь, довольно тонко, еще одно напоминание о долге, который слушатели должны такому благодетелю. Этому Иисусу, который как предвоплощенный сын был создателем и хранителем космоса, но как воплощенный сын был искупителем каждого из них, который вернул их к Богу такой личной ценой для себя.

Автор быстро следует за этим напоминанием о том, где Иисус находится в настоящем. Совершив очищение грехов, он воссел одесную величия на возвышенных местах. Здесь автор опирается на язык Псалма 109, первый стих которого был важным текстом в ранней церкви.

Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Примечательно, что Псалом 109 — это еще один царский псалом, изначально написанный как псалом о Давидовом монархе, даже обращенный к нему. Таким образом, он становится важным мессианским ресурсом в веках после исчезновения Давидовой монархии и независимости Иудеи.

Тексты, подобные Псалму 110, снабжают автора информацией о карьере Сына после земного служения Иисуса, точно так же, как традиции мудрости снабжают информацией о периоде до воплощения. Начальное напоминание о возвышении Сына, который, как распятый Мессия, был также наиболее маргинализирован, опозорен и страдал, является темой, которая будет играть важную роль на протяжении всей этой проповеди. То есть, стыд в этом видимом, временном космосе не является отражением ценности человека в вечности.

И путь, который Сын прошел через маргинализацию и позор, — это путь, который привел его к месту наивысшей чести в космосе в Божьем суде. Это поможет, даже с самого начала, напомнить слушателям, что путь к величайшей чести может быть действительно тем путем, который заключается в том, чтобы выдержать временный позор, путь, по которому они сами уже некоторое время идут. И снова, напоминание слушателям о возвышенном статусе Сына неявно напоминает им о последствиях для всех, кто не вступил или не решил оставаться в покровительственно-клиентских отношениях с этим Сыном, последствиях, которые автор явно скажет в конце главы 1, когда он полностью цитирует Псалом 109, стих 1: «Сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих». Таким образом, автор одновременно напоминает слушателям о привилегии быть связанным со столь возвышенной личностью, но также и о последствиях разрыва с такой личностью, о действиях, в результате которых человек оказывается врагом Сына, а не верным членом семьи Сына.

Автор завершает свои вступительные заявления о величии, статусе и достижениях Сына утверждением об относительной чести Сына по отношению к ангелам. Он говорит о том, что Сын стал настолько больше ангелов, что унаследованное им имя более выдающееся, чем их. Это, естественно, поднимает вопрос о том, почему автор теперь начал фокусироваться на ангелах. Если мы будем помнить, куда идет автор, а именно главы 2:1 по 4, и это увещание, мы узнаем ответ на этот вопрос.

Автор устанавливает большую честь Сына по отношению к ангелам ради призыва к еще более серьезному ответу на слово, сказанное Богом в Сыне, чем ответ, требуемый словом, сказанным через ангелов. Нам нужно немного остановиться и подумать об ангелах в раннем иудаизме, чтобы оценить подоплеку заявления автора здесь и заявления, которые он продолжит делать в оставшейся части этой главы. Ангелы, конечно, известны во всех еврейских текстах как часть небесного окружения Бога.

Они — служители Бога, агенты Бога, которые доставляют послания Бога, и они приводят в исполнение суды и наказания Бога для нарушителей. Их часто видят вмешивающимися, чтобы защитить слуг Бога и клиентов Бога. Ангелы также часто встречаются в исторических книгах или книгах периода Второго Храма, сражающимися против врагов Израиля как небесная армия.

Одна из особых ролей ангелов, которая развивается в период второго храма, — это их роль посредников в просьбах Божьего народа, посредников божественной благосклонности, ответов на молитвы. Архангелы находятся в самом присутствии Бога. Фактически, их часто называют ангелами присутствия.

Поэтому они начинают рассматриваться как хорошо расположенные, чтобы обеспечить Божью благосклонность для Божьих клиентов, которые дальше от Бога в земной сфере. Все больше распространяется мысль, что ангелы направляют молитвы праведников к Богу. Мы можем найти это в неканонических книгах, таких как Первая книга Еноха, Товит или в книге Откровения.

Священнические функции начинают приписываться ангелам, поскольку жилище Бога на небесах все чаще рассматривается как небесный храм. Ангелы становятся священниками и служителями дворов небесного храма, отражением которого на земле станет служение Левия и его потомков. Наиболее яркое выражение этого содержится в Завете Левия, одном из заветаний двенадцати патриархов, составленном, вероятно, в первом веке до нашей эры.

Там мы читаем, там с ним, с Богом, архангелы, которые служат и приносят Господу умиловляющие жертвы за все грехи неведения праведников. Они приносят Господу приятное благоухание, разумное и бескровное приношение. Это имеет некоторое отношение к Евреям.

В первом веке нашей эры слушатели могли думать об ангелах, Моисее и священниках-левитях как о, в некотором роде, посредниках Божьей милости и гарантах божественной помощи для Божьего народа. Таким образом, автор Послания к евреям объединяет всех троих, сравнивая сначала ангелов, затем Моисея, затем священников-левитов с Христом, показывая, что все посредники

бледнеют по сравнению с Иисусом, нашим великим первосвященником. Другая важная роль, приписываемая ангелам все чаще в период храма, — это роль посредников Торы.

В послании Павла к Галатам, например, Павел пишет: «К чему же закон?» Он был введен по причине преступлений, доколе не придет семя, которому было обещано. И установлен был чрез Ангелов посредником. Та же идея отражена в книге Деяний, в речи Стефана в Деяниях, глава 7. Стефан говорит, что Моисей был тем, кто был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим с ним на горе Синай, и с нашими предками, и он получил живые слова, чтобы передать нам.

Стефан снова говорит в конце своей проповеди, говоря, что вы те, кто принимает закон, как предписано ангелами, и все же не сохранили его. Этот фон также актуален для Послания к Евреям, потому что в Послании к Евреям, глава 2, стих 2, автор будет говорить о слове, которое было сказано через ангелов, под которым он ясно подразумевает завет Моисея, закон, который был дан не Богом напрямую, а Божьими посредниками и посланниками, ангелами. Утверждение автора в главе 1, стих 4, что сын в такой степени больше ангелов, как имя, которое он унаследовал, больше их, становится отправной точкой для ряда цитат из Священного Писания в оставшейся части главы 1. Часто упускается из виду, что эти цитаты развивают ряд аргументов в поддержку утверждения автора, а не то, что кто-либо из аудитории будет серьезно оспаривать утверждение, что сын был больше ангелов.

Эту главу нам следует читать как автора, строящего общую почву со своей аудиторией, а не как автора, вступающего в споры со своей аудиторией. Жало всего, что автор говорит в главе 1, проявится в главе 2, стихе 1, следующем за его «поэтому». Эта цепочка цитат из Священного Писания распадается на три блока аргументации.

Первый находится в стихах 5 и 6, второй простирается через стихи 7-12, а третий - в стихах 13 и 14. В первом блоке мы читаем, ибо кому из своих ангелов Бог когда-либо говорил: ты сын Мой, Я ныне родил тебя. И еще: Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном.

Автор здесь цитирует первый Псалом 2 стих 7, а затем 2 Царств глава 7 стих 14, оба из которых являются текстами, лежащими в основе монархической идеологии Давида. Однако они стали мессианскими текстами, поскольку Израиль в целом продолжал трудиться под господством язычников, ожидая дня, когда Бог сможет восстановить независимость Иудеи и независимую монархию, предпочтительно из дома Давида. Автор Послания к Евреям предполагает, что его слушатели согласятся читать текст, подобный Псалму 2 или 2 Царств 7 14, мессиански и особенно как рассказанный о сыне Иисусе.

Это начало также образует аккуратное включение с Главой 1, стихом 13; как Стих 5, так и Стих 13 начинаются с одного и того же риторического вопроса: кому из ангелов Бог когда-либо говорил? Второй шаг в этом аргументе включает вариацию Второзакония 32, стих 43. Как пишет автор, но когда он снова ведет первенцев в обитаемое царство, он говорит, и да поклонятся ему все ангелы Божии. Этот текст известен из песни Моисея во Второзаконии 32.

Однако в тексте Второзакония 32 стих 43 есть интересное изменение. В масоретском тексте, на котором основано большинство наших английских переводов Ветхого Завета, вообще нет этого предложения: да поклонятся ему все ангелы Божии. В Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета, распространенном в первом веке, говорится: да поклонятся ему все сыны Божии.

В Послании к Евреям говорится: пусть все ангелы Божии поклоняются ему. Возможно, наш автор немного подправил текст, чтобы он лучше соответствовал космологии, которую он и его слушатели утверждают. Говорить о множественных сыновьях Бога могло бы иметь смысл в контексте Второзакония и древнего Израиля.

Однако в период Второго Храма и Нового Завета еврейские авторы гораздо реже говорили о небесных сыновьях Бога или других потенциально божественных существах. Поэтому интерпретация этого как ангелов имела бы гораздо больше смысла. Однако когда происходит это событие? Когда ангелы Бога должны поклоняться Сыну? Это требует от нас немного больше размышлений о том, что означает греческое слово *oikumene* в этом контексте.

Что это за обитаемое царство, в которое Сын снова приводится? Здесь полезно заглянуть вперед во второе использование этого термина в Послании к Евреям, глава 2, стих 5, потому что там *oikumene* определено как грядущее царство, грядущая *oikumene*. В этом контексте, следовательно, автор смотрит не на земное царство, обитаемые царства материального мира, а скорее на другое царство, царство за его пределами, божественное царство. Это царство, которое грядет по отношению к автору и его слушателям, поскольку они еще не присутствуют в этом царстве.

Но с другой точки зрения, эта сфера уже существует за пределами материальной земли и видимых небес. В переводе Псалмов в Септуагинте небеса и земля называются зыбкими и подвижными. Греческие слова *ouranoi*, небеса, и *gei*, земля, используются в этом смысле.

Но греческое слово *oikumene* в греческом переводе Псалмов последовательно описывается как непоколебимое. Автор Послания к Евреям, похоже, берет свою реплику из различий, сделанных между небом и землей, и *oikumene* в

греческом переводе Псалмов. Автор Послания к Евреям связал бы непоколебимое царство с божественным царством в противоположность сотворенному царству, которое обречено на потрясение и разрушение.

Таким образом, Евреям 1:6 повествует о возвращении Христа в божественное царство, которое он покинул в своем воплощении. Его возвращение, таким образом, является моментом его прославления, включая восседание по правую руку от Бога. Хотя сын обладал большим статусом, чем ангелы до своего воплощения, его триумфальное возвращение было поводом снова отпраздновать его возвышение, когда ангелы падали ниц перед ним, чтобы признать его высшую честь после его послушания до смерти и его обеспечения искупления человечества.

Автор начинает второй аргументативный ход в ходе цитат из Священного Писания, которые мы начинаем встречать в Послании к Евреям 1:7. Как он пишет, в отношении ангелов, с одной стороны, Бог говорит, что творящий духов Ангелов Своих и служителей Своих пламенеющим огнем. А в отношении Сына: престол Твой, Боже, вовек, и жезл царствия Твоего — жезл правды. Ты возлюбил правду, и в Тебе беззаконие.

По этой причине твой Бог помазал тебя елеем радости более твоих товарищей. Автор находит в этом царственном псалме, Псалме 45, право утверждать возвышение сына над другими небесными существами, его товарищами. Язык помазания здесь особенно уместен, как для царственной, так и для священнической роли и статуса Мессии, поскольку автор разовьет большую длину в своей проповеди.

Не просто Иисус как царь, но даже больше, Иисус как наш первосвященник. Сын постоянен, постоянно на троне, как свидетельствует этот текст псалма. Автор намекает, с другой стороны, что ангелы немного более ветрены .

Они могут быть преобразованы в ветер или пламя огня, чтобы выполнить Божью волю. Но сын постоянен, надежен и неизменен. Этот контраст становится еще более сильным в следующей цитате из Священного Писания.

И Ты, Господи, в начале основал землю, и небеса — дело рук Твоих. Они погибли, а Ты пребываешь. Все они, как риза, обветшают, и, как покров, Ты свернешь их, как риза, изменятся.

Но ты тот же, и твои годы никогда не закончатся. Этот текст, Псалом 102, изначально является частью псалма, умоляющего Бога об избавлении, частично противопоставляя ограниченную продолжительность жизни просителя бесконечным годам Бога. Однако, как автор Послания к Евреям выделил эти

стихи, автор подчеркивает разницу между материальной видимой сферой, небесами и землей, и солнцем.

Материальный мир временен. Он обречен на разрушение, как одежда стареет и ее меняют, или как плащ сворачивают. Но солнце вечно.

Ты всегда одинаков, и твои годы никогда не закончатся. Это имеет отношение к аргументации автора в двух важных отношениях. Во-первых, солнце — это то, что длится.

Связь с солнцем — это связь с тем, что имеет значение для вечности. Что бы ни обрели или потеряли в этом видимом творении, это имеет значение на относительно короткое время. Это повлияет на выбор аудитории в ее контексте.

Неужели они ради краткосрочной выгоды действительно отпустят свою хватку того, кто может дать им выгоду навечно? Это также относится к аргументу автора о том, что неизменный характер солнца делает солнце в высшей степени заслуживающим доверия. Это проявляется здесь тонким образом, но более полно это проявится в Евреям 13 стихе 8. Здесь, однако, когда автор говорит вы тот же самый, это в контексте его высказывания почти того же самого, что вы постоянны. Например, Дион Златоуст, греческий государственный деятель и философ конца первого и начала второго века, написал речь на тему недоверия.

В этой речи он перечислил причины, по которым мы просто не можем доверять другому человеку. Он пишет, что, цитирую, никто не знает ни о ком, останется ли он таким, какой он есть, до завтра. Никто не знает, будет ли человек завтра таким же, каким он был сегодня, и это подрывает доверие.

Однако автор Послания к Евреям уже начал утверждать, что солнце — это надежное основание для доверия будущему. Ничто из того, что может предложить материальное творение, не идет ни в какое сравнение. Третий аргументативный ход, который затем делает автор, появляется в конце первой главы в последних двух стихах.

Кому из ангелов он когда-либо говорил: сядь одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? Здесь подразумевается антитеза. То, что не было сказано ни одному ангелу, было сказано солнцу в раннехристианском понимании Псалма 110, который обычно читался как божественное пророчество, обращенное к Иисусу. Уже исторический Иисус, как помнили, читал этот стих как мессианский текст, который его оппоненты упускали из виду.

В Евангелии от Марка 12, например, мы видим, как Иисус вытаскивает Псалом 109 и спрашивает книжников: если Давид называет Мессию Господом, как Мессия может быть сыном Давида? Это снова царский псалом о воцарении

израильского или иудейского царя и стал мессианским псалмом о будущем царе, Мессии. Эсхатологическое значение этого стиха здесь заключается в том, чтобы напомнить слушателям, что сын, Иисус, за которым они следуют, является победителем последнего времени. Все враги которого будут подчинены его правлению.

Действительно, все враги которого конкретно обещены, положены под его ноги как подножие. Автор будет держать этот эсхатологический горизонт ясно в поле зрения для своей аудитории, поскольку эсхатологический горизонт вводит кризис, которым он хочет, чтобы они были в первую очередь обеспокоены. Пока их глаза направлены на вещи этого мира, преданность христианской группе может начать казаться невыгодной.

Однако, твердо устремив взоры на день возвращения сына, они будут более склонны принять и следовать плану автора по выживанию и даже успеху, который подразумевает постоянную приверженность исповеданию веры и постоянные инвестиции друг в друга и в христианское свидетельство. Автор завершает этот период аргументации еще одним риторическим вопросом, относящимся к ангелам. Разве они не все служебные духи, посланные для служения тем, кто собирается унаследовать спасение? Риторический вопрос здесь снова предполагает готовность аудитории согласиться с утверждениями автора об ангелах.

Это еще один признак того, что автор не обращается здесь к какой-то неполноценной христологии среди аудитории или к гипер-энтузиазму поклонения ангелам среди аудитории. Ангелы, по сути, являются космическими слугами, как это заложено в названии, данном их самому виду: ангелы, *angeloi*, посланники и посланники. Их слава и статус как сверхчеловеческих существ являются лишь указателями на большую славу и статус Иисуса, ныне воссевшего на престоле по правую руку Всевышнего.

Одна фраза в этом заключительном риторическом вопросе заслуживает более пристального внимания. Автор называет верующих теми, кто собирается унаследовать спасение. Греческое слово, стоящее за спасением, знакомо, *soteria*, избавление и спасение.

Автор Послания к Евреям имеет совершенно иную систему отсчета для размышлений о спасении, чем многие христиане, особенно христиане сегодня. Многие христиане сегодня думают о спасении как о чем-то уже обладаемом, чем уже наслаждаемся. Автор Послания к Евреям, очень похожий на автора 1 Петра, говорит о спасении как о будущем благе, как о чем-то, что приходит при втором пришествии Христа или при нашем приеме в божественное царство, для которого Христос нас подготовил.

Из-за системы отсчета автора здесь и его особого использования освобождения или спасения для разговора об окончательном освобождении, особенно проблематично вводить идею потери спасения в любое обсуждение теологии Послания к евреям. Мы вернемся к этому, когда будем обсуждать Евреям 6:1 по 8 более подробно. Автор выдвинул несколько своих целей в главе 1, стихах 5 по 14.

Он усилил признательность слушателя за честь Иисуса. Он намекнул на опасные последствия непризнания этой чести. Он заново установил временную ценность материального и видимого творения, так что единственной твердой основой для надежды и доверия остается Сын, а не возвращение слушателями материальных благ или чести в глазах своих соседей, которые в настоящее время также являются врагами Сына.

Слушатели должны быть уже готовы задуматься над этим вопросом. Как мне ответить этому Сыну, чтобы остаться в милости и не попасть в число его врагов? Именно на такой вопрос автор продолжает отвечать. С началом главы 2 автор приходит к аргументативной цели главы 1. Ввиду этого, в силу возвышенного величия Сына, которое настолько велико, что оставило ангелов позади в прахе, нам необходимо уделять еще больше внимания слышанному, чтобы не отпасть.

Если бы слово, возвещенное через ангелов, было подтверждено, и всякое преступление и непослушание получили праведное свидетельство, как бы мы бежали, если бы мы так пренебрегли спасением? По этой причине, этими вступительными словами, автор явно указывает, что он собирается дать «ну и что» предыдущей главы, и опасность, которую он определяет, это опасность дрейфа. Если мы не будем внимать услышанному сообщению, мы уйдем с безопасного пути. Это придает идеологическую окраску действию, которое соседи христианина на самом деле расценили бы положительно.

То, что автор представляет здесь, — это дрейф, который нехристианские соседи христианина посчитали бы возвращением на путь истинный. В рамках этого предупреждения, таким образом, автор создает аргумент от меньшего к большему, очень распространенную форму аргументации, как в еврейской, так и в греко-римской риторике того периода. Меньший случай — это действительность послания, которое было произнесено через ангелов, а именно Торы, и то, как оно было подтверждено Богом и серьезно воспринято Божьим народом, так что положения закона применялись либо с наградой, либо с наказанием.

Теперь более важным является послание, которое было произнесено через Сына. Если Тора, меньшее слово, так серьезно применялась, насколько же строже будет применяться слово, переданное через большего посланника, Сына? Поэтому, останавливаясь на чести Христа в первой главе, мы усиливаем

тяжесть оскорбления, нанесенного Христу, когда его послание и его дар игнорируются. Проявление такого пренебрежения к обещанию Евангелия и, следовательно, оскорбление носителя этого послания подвергло бы человека большей опасности, чем тех, кто нарушил Тору.

Пастор хочет, чтобы его аудитория считала, что верность Евангелию и жизнь с целью почитания Бога и Его Сына являются их главными приоритетами. Возвышение Иисуса сделало следование этой программе более необходимым. Это начальное увещевание подчеркивает важность слушания и ответа на Божье слово, что будет центральным мотивом на протяжении первых четырех глав этой проповеди.

Это также звучит как предупреждение об опасностях, которые сопровождают пренебрежение великим освобождением и преимуществами, объявленными в завещании вернуться в главах 4, 6, 10 и 12. Евреям 2 стихи 1-2, таким образом, звучат как лейтмотив проповеди. Автор продолжает в главах 2, стихах 3 и 4, чтобы говорить о надежности сообщения, которое получила община.

Это было сказано через Сына, но это также было подтверждено теми, кто был свидетелем служения воплощенного Сына. И что еще важнее, это было подтверждено сверхъестественными действиями Бога среди них. Таким образом, автор напоминает слушателям, что послание, вокруг которого они реорганизовали свою жизнь, и ради которого они претерпели значительные, хотя и временные потери, является достоверным посланием.

Это камень, на котором можно строить, а не какой-то летучий миф, который пронесся через их сообщество. Тогда мы могли бы рассмотреть риторическую силу этого начального сегмента Послания к Евреям 1:1 по 2:4. Оратор снова фокусирует слушателей сначала на Сыне, на личности самого Иисуса. Дело не в том, что слушатели думают неправильно об Иисусе, но они потенциально недостаточно думают об Иисусе, недостаточно думают об Иисусе, о благах, которые он принес, и об обещаниях благ, которые еще будут.

Он также фокусирует слушателей на более высоких ставках в их ситуации. Гораздо больше можно потерять, чем временную честь или благо, которые им могла принести их приверженность христианскому движению. Он также фокусирует слушателей на более широкой картине с точки зрения пространства и времени.

Он напоминает слушателям о космологическом и эсхатологическом фоне их жизни здесь и сейчас. Он напоминает им о временной природе самого неба и земли, чтобы напомнить им о низкой ценности всего, что принадлежит видимому миру, чтобы они могли лучше взвесить альтернативы в своей непосредственной ситуации и сделать выбор, который будет выгоден для

вечности. Несмотря на то, что это плотная аргументация из Писания о вопросе, который мы могли бы принять как должное, превосходстве солнца над ангелами, вызов автора Послания к Евреям в этой части проповеди звучит громко и ясно.

Он спрашивал нас, уделяем ли мы посланию, возвещенному через солнце, должное место в нашей жизни? Не рискуем ли мы пренебречь столь великим спасением? Это важный вопрос, который нам следует постоянно задавать себе, потому что в нашем контексте слишком легко сделать наше ученичество благотворным дополнением к очень занятой жизни, которая большую часть времени вкладывается в обеспечение нашего временного благополучия. Сколько своего времени, своей энергии и своих ресурсов мы вкладываем в дела этой жизни, в свою работу, в такие хорошие вещи, как обеспечение себя или своей семьи, такие как социальные сети и связи, хобби или развлечения? И сколько мы вкладываем в следование за Иисусом, в то, чтобы все больше уподобляться Христу, в то, чтобы посещать те места, куда Иисус хотел бы, чтобы мы ходили как его посланники, будь то для служения или для распространения благой вести или, каким-то образом, для того, чтобы протянуть руки к окружающему нас миру? Наш ответ на такие вопросы самоанализа покажет нам, каковы наши главные приоритеты, будь то наша повседневная жизнь и благополучие или наше служение Богу, наш правильный ответ Христу, наша оценка этих отношений и наши обязательства в этих отношениях превыше всего остального. Еще один вклад, который делает автор, заключается в том, чтобы напомнить нам, что в лице Иисуса мы видим лицо Бога.

Мы обнаруживаем больше страстей и стремлений Бога в страстях и стремлениях человека Иисуса. Христология в конечном счете не только о том, кто такой Иисус, но и о том, кто такой Бог, что заботит Бога и чего Бог ожидает от нас, если мы действительно разделяем основное убеждение автора, что Сын является точным отпечатком сущности Бога. Когда мы изучаем Евангелия, в частности, и видим, что глубоко заботило Иисуса, как он проводил свое время, с кем он проводил свое время, как он собирал своих учеников и учил их вкладывать себя в мир и как не вкладывать себя в мир, мы узнаем больше о сердце Бога, ценностях Бога, плане Бога и, следовательно, получаем приглашение, действительно привилегию, более тщательно согласовывать себя с сердцем Бога в нашей повседневной жизни.

Автор также призывает нас постоянно осознавать разницу между тем, что временно, и тем, что вечно, и различать, как инвестировать себя, настраивать себя и тратить себя мудро. Одна из вещей, которая впечатляет нас по мере того, как мы стареем, — это краткость жизни и важность каждого часа. Убиваем ли мы время или используем его? Мудро ли мы инвестируем наш ограниченный срок на этом земном шаре для вечности или мы растрачиваем себя, часы и жизнь, которые Бог дал нам, в погоне за тем, что просто испарится в великий

день возвращения Христа, когда Бог будет судить мир? Следствием этого является то, что всегда следует помнить, что является прочной скалой, на которой должна основываться наша жизнь, на которой должна строиться наша жизнь.

В напоминании автора о том, что Христос вечен, тогда как мир и все его заботы преходящи и бессодержательны, проповедник предвосхищает гимн, Христа и слова, сказанные через него, как твердую скалу. Все остальное — зыбучий песок.